

Раз уж он теперь официально стал мужским наложником, с какой стати ему и дальше ютиться в каморке для прислуги?

Сяо Синхань с нескрываемым недоумением наблюдал за тем, как к нему вальяжной походкой приближается Гу Яньлин, обвешанный многочисленными свертками.

Гу Яньлин с глухим стуком положил несколько узлов на стол и с сияющей улыбкой объявил:

- С сегодняшнего дня я переезжаю и буду жить вместе с вами, господин!
- Юфу, куда мне положить мои вещи?

Ли Юфу не посмел принимать решение самостоятельно и лишь вопросительно взглянул на наследного принца, после чего услышал краткое распоряжение:

- Приведи в порядок западный флигель.

Не успел Ли Юфу ответить, как Гу Яньлин поспешно вмешался:

- Нет, я хочу жить с господином! Спальня господина такая просторная, а кровать такая широкая... Если я буду спать там, тесно точно не станет.

Сяо Синхань холодно ответил:

- Я не привык делить жилье с кем-либо.

Гу Яньлин тут же возразил:

- Но разве вчера мы не спали в одной постели?

Сяо Синхань не удостоил его ответом и снова распорядился, обращаясь к Ли Юфу:

- Отнеси свертки в западный флигель.

Ли Юфу поспешно отозвался:

- Слушаюсь, господин.

Западный флигель в главном дворе традиционно предназначался для законной супруги, хозяйки дома. Подобное распоряжение наследного принца уже само по себе было величайшей милостью, а этот человек всё ещё выражал недовольство – поистине, он совершенно не знал, что такое благодарность.

Увидев, что изменить решение невозможно, Гу Яньлин обреченно последовал за Ли Юфу в западный флигель. В конце концов, они всё равно оставались в пределах одного двора, а значит, в крайнем случае он мог просто прокрасться ночью к Сяо Синханю, чтобы разделить с ним постель. Западный флигель был немного меньше спальни Сяо Синханя, но по внутреннему убранству и планировке почти не отличался. Хотя в этих покоях никто не жил, слуги убирались здесь ежедневно, поэтому в комнате было чисто и светло.

Ли Юфу приказал младшему евнуху распаковать одежду и вещи из свертков Гу Яньлина и расставить их по местам. Сам же Гу Яньлин с безмятежным видом сидел за столом на террасе и попивал чай:

- Вот эти два свертка не трогайте, я разберу их позже сам.

В конце концов, там находилось кое-что такое, что никак нельзя было показывать посторонним.

Когда Гу Яньлин окончательно обосновался в западном флигеле, все младшие евнухи во дворе всё поняли без слов. Отныне они перестали видеть в нём преемника главного евнуха Ли – раз уж он поселился в покоях хозяина, какой же он после этого евнух! Теперь стало понятно, почему он ведет себя столь бесцеремонно, а наследный принц ни разу не счел нужным его наказать.

Гу Яньлин принял на себя важный и степенный вид, подобающий мужскому наложнику. Когда слуги закончили уборку, он щедро одарил каждого серебром. Дождавшись, пока все уйдут, он прихватил свои два свертка и вошел во внутреннюю комнату. Куда бы их спрятать? Слуги ведь приходят убираться каждый день, и если они случайно наткнутся на это, он просто сгорит от стыда.

У окна располагался изящный туалетный столик, вырезанный из древесины желтой груши. Взгляд Гу Яньлина упал на него. В итоге он выдвинул ящик и, развязав сверток, начал по одному укладывать туда нефритовые фаллоимитаторы. Он был настолько поглощен процессом, что совершенно не заметил, как в комнату вошел Сяо Синхань.

Сяо Синхань подошел к Гу Яньлину вплотную, но не произнес ни звука.

Гу Яньлин взял последнюю штуку. В свое время продавец уверял его, что эта вещь размером почти как «большая птица» Сяо Синханя, но, вспомнив ощущения, которые он испытал утром, когда случайно коснулся его коленом, он тихо пробормотал:

- Маловато... всё-таки купил маловато. Когда господин встает, он намного толще этого!

Сяо Синхань спокойно произнес:

- Правда?

Низкий голос, внезапно раздавшийся прямо над ухом, напугал Гу Яньлина до смерти. Он не удержал нефритовый предмет в руках, и тот с звонким стуком упал на пол.

Гу Яньлин посмотрел на Сяо Синханя, затем на разбитый на две части нефрит. Подумав о том, что тот слышал его недавнее бормотание, он в смущении и гневе воскликнул:

- Почему тыходишь, не подав знака!

Сяо Синхань ответил:

- Гнев от стыда.

Гу Яньлин не мог признаться в этом, поэтому лишь толкнул его в грудь и присел, чтобы собрать осколки.

Сяо Синхань сказал:

- Позови кого-нибудь убрать.

Он боялся, что тот порежется, но не успел договорить, как услышал вскрик Гу Яньлина. Тот действительно порезался - кожа у него была нежная, и кровь выступила мгновенно.

Сяо Синхань приподнял его за руку:

- Неуклюжий какой.

Гу Яньлин был в ярости и с обидой посмотрел на него:

- Это всё ты виноват! Напугал меня своим голосом!

Сяо Синхань опустил взгляд на кончик пальца, из которого сочилась кровь. К счастью, порез был неглубоким:

- Сам виноват, а винишь других.

Гу Яньлин сердито выдернул руку, сунул палец в рот, чтобы пососать ранку, и снова присел, быстро собирая сломанный пополам нефрит:

- Что теперь делать?

Сяо Синхань ответил:

- Раз уж ты сам сказал, что он мал, значит, и сломаться был обречен.

Видя, что тот продолжает подшучивать над ним, Гу Яньлин недовольно проворчал:

- Кто говорит об этом... Я спрашиваю, куда это выбросить? Если кто-то увидит, как же стыдно будет.

Сяо Синхань усмехнулся:

- Ты еще боишься стыда.

Гу Яньлин ответил:

- Не буду я с тобой разговаривать! Я ведь купил всё это исключительно ради тебя.

Сяо Синхань увидел, что тот действительно разволновался, и перестал дразнить его:

- Заверни и отдай Ли Юфу, пусть он разберется.

Гу Яньлин засомневался:

- А если он откроет и посмотрит?

Сяо Синхань ответил:

- Он не посмеет.

Гу Яньлин продолжал настаивать:

- А если он тайком откроет, ты узнаешь?

Сяо Синхань поднял руку и бесцеремонно ущипнул его за щеку:

- Тогда иди и выбрось сам.

- Увидят так увидят, в конце концов, он уже видел это раньше, - Гу Яньлин сердито отмахнулся от его руки и фыркнул: - К тому же, в этом деле не только мне одному должно быть стыдно.

Сяо Синхань оставил это замечание без ответа.

Ли Юфу действительно не посмел открыть сверток, который велел утилизировать наследный принц, и вернулся лишь спустя долгое время.

Гу Яньлин спросил:

- Куда выбросил?

Ли Юфу ответил:

- Раб закопал под деревом.

Гу Яньлин произнес:

- О, я просто спросил. Это вещь господина, не моя.

Сяо Синхань, услышав эту неуклюжую попытку оправдаться, лишь беспомощно вздохнул:

- Иди помой руки и садись ужинать.

Гу Яньлин послушно вымыл руки и сел рядом с Сяо Синханем, но не смог усидеть спокойно:

- Господин, завтра на Западной улице ярмарка, давайте сходим погулять?

Сяо Синхань ответил:

- За едой не принято разговаривать.

Когда они закончили ужинать, Гу Яньлин снова завел разговор, но Сяо Синхань лишь бросил:

- Обсудим это завтра.

Гу Яньлин последовал за ним:

- Нет, давай сейчас!

Сяо Синхань больше всего на свете не выносил многолюдных мест, считая их невыносимо шумными, а посещение подобных ярмарок казалось ему занятием совершенно бессмысленным и скучным. Гу Яньлин же был его полной противоположностью - он обожал шум и суету и, конечно, не хотел упускать такую возможность.

Гу Яньлин потянул его за рукав:

- Ну пойдём, ну пожалуйста, пойдём!

Сяо Синхань ответил:

- Ты и сам часто ходишь гулять, хочешь - иди.

Гу Яньлин тут же возразил:

- А что интересного в том, чтобы идти одному? Я хочу пойти вместе с господином!

Сяо Синхань, однако, оставался непреклонен:

- Обсудим это завтра.

Гу Яньлин с недовольным видом отпустил его рукав и фыркнул:

- Не хотите - как хотите! Пойду-ка я прогуляюсь, чтобы ужин улегся.

Сяо Синхань, не удостоив его даже взглядом, направился напрямиком в свой кабинет. Оставшись один, Гу Яньлин повернулся к Чан Фэну. Тот как раз заканчивал ужинать и, заметив, что юноша ищет его внимания, спросил:

- Что случилось?

Гу Яньлин с видом глубочайшего страдания опустился на табурет, подпер подбородок ладонями и начал нарочито тяжело вздыхать.

Чан Фэн лишь молча посмотрел на него.

Гу Яньлин с притворным горечью посетовал:

- Брат Чан Фэн, скажи мне, разве это жизнь - быть мужским наложником? Совсем неинтересно, право слово.

Чан Фэн с недоумением спросил:

- С чего ты вдруг так решил?

Гу Яньлин с обидой ответил:

- Я же сказал, что хочу переехать и жить с господином в одной комнате, а он не разрешил! Настоял, чтобы я поселился в западном флигеле. А когда я упомянул, что завтра на Западной улице будет ярмарка, и попросил его сходить со мной, он лишь сухо ответил: «Посмотрим».

Чан Фэн, выслушав эти жалобы, попытался его утешить:

- Даже среди супругов не всегда принято жить в одной комнате. Господин превыше всего

ценит тишину и покой, поэтому его нежелание посещать столь шумную ярмарку вполне естественно.

Гу Яньлин недовольно возразил:

- Ты просто ничего не понимаешь.

Ведь если во всем потакать желаниям Сяо Синханя, это будет означать, что тот любит его недостаточно сильно. Гу Яньлину хотелось, чтобы Сяо Синхань во всем уступал ему, чтобы был очарован им до потери рассудка и беспрекословно слушался каждого его каприза. Именно в этом и заключалась его истинная цель в роли мужского наложника.

Чан Фэн действительно не мог постичь ход мыслей Гу Яньлина, но, помня о высоком положении принца, добавил:

- Юаньбао, тебе стоит во всем слушаться господина. Не позволяй своему своенравному характеру брать верх.

Гу Яньлин убрал руки от подбородка и с укором произнес:

- Брат Чан Фэн, ты ведь тоже мужчина, как же ты можешь настолько плохо понимать мужскую психологию? Если я буду во всем послушным и буду лишь потакать господину, то чем я буду отличаться от обычных слуг в его дворце?

Он сделал небольшую паузу и с важным видом добавил:

- Ты должен понимать: мы, мужские наложники, обязаны быть покорными, когда того требуют обстоятельства, но в подходящий момент мы просто обязаны уметь покапризничать.

Чан Фэн, пораженный тем, что юноша за несколько дней пребывания в роли наложника успел набраться такого «опыта», вспомнил, что еще совсем недавно тот сам не желал этого положения.

- Вот этого я действительно не понимаю, - признал он. - Раз ты так считаешь, то когда же именно нужно быть покорным?

Разумеется, в постели, но произносить подобное вслух было совершенно недопустимо. Гу Яньлин нарочито громко прочистил горло и отрезал:

- Ты ведь не мужской наложник, так что не спрашивай о таких вещах.

Чан Фэн снова погрузился в молчание.

Гу Яньлин, наговорив много лишнего, наконец перешел к тому, что его действительно интересовало:

- Кстати, брат Чан Фэн, ты упоминал, что сегодня прождал в ведомстве целую палочку благовоний, прежде чем тебе позволили увидеть префекта. Как думаешь, он специально тянул время?

Чан Фэн, видя, что Гу Яньлин всё еще обдумывает этот момент, ответил:

- Сложно сказать наверняка. В конце концов, префект последние два дня устраивает пышный банкет в честь дня рождения своей матери, так что подобная задержка вполне объяснима.

Гу Яньлин признал, что в этом есть логика, поэтому не стал развивать тему и спросил:

- А какая должность у нашего господина?

Чан Фэн уклончиво ответил:

- Со временем сам всё узнаешь.

Гу Яньлин с напускным беспокойством произнес:

- Мне просто любопытно. Я вот боюсь: если должность господина окажется слишком высокой, то, став его налогом, я могу в итоге быть брошен. И что мне тогда делать?

Чан Фэн ободряюще похлопал его по плечу:

- Господин не такой человек. Даже если в будущем он вдруг разлюбит тебя, накопленных богатств и роскоши тебе хватит на всю оставшуюся жизнь.

Гу Яньлин сказал это просто так, для вида. Кто, по его мнению, всерьез боялся, что его бросят? Как только продажный чиновник будет окончательно наказан, он с чувством глубокого удовлетворения и выполненного долга немедленно сбежит. Он ведь вовсе не стремился быть налогом на самом деле – это была лишь временная мера, вынужденный шаг в его игре!

- Ну, тогда я спокоен, - заключил он. - К тому же я взрослый мужчина, руки и ноги у меня в порядке, так что с голоду точно не умру.

Чан Фэн с легкой усмешкой ответил:

- Хм, правильно мыслишь. О будущем позаботишься позже, а пока радуйся тому, что сейчас господин тебя любит.

Гу Яньлин согласно кивнул:

- Ты прав. Тогда я пойду. Только, пожалуйста, не говори господину, что я заходил к тебе, а то он еще приревнует. Будет очень неприятно, если он из-за этого начнет к тебе придирааться.

Чан Фэн рассмеялся, качая головой:

- Не волнуйся, господин не станет придирааться ко мне из-за такой ерунды.

Когда Гу Яньлин вернулся, Сяо Синхань уже собирался идти в купальню. Юноша, не теряя ни секунды, поспешно пристроился следом:

- Я тоже хочу!

Сяо Синхань, бросив на него один многозначительный взгляд, сразу понял, что тот задумал, и предупредил:

- Разрешаю только купаться. Больше ничего делать не смей.

Гу Яньлин лишь на словах покорно согласился, в то время как в его голове уже зрел совсем иной план.

В купальне Ли Юфу с привычной почтительностью помогал Сяо Синханю раздеться. Гу Яньлин же, заметив, что младший евнух собирается прислуживать и ему, поспешно остановил его:

- Я сам справлюсь.

Он не мог, подобно Сяо Синханю, с таким абсолютным спокойствием раздеваться на глазах у других. Даже если перед ним был всего лишь слуга, он всё равно чувствовал неловкость.

Спрятавшись за ширмой, Гу Яньлин начал снимать одежду, стараясь как можно незаметнее прикрыться нижними штанами. Затем он быстро, почти перебежкой, вошел в теплую воду и бросил одежду на берег.

Теперь Гу Яньлин сидел в воде, затаив дыхание и повернувшись лицом к тому месту, откуда должен был появиться Сяо Синхань. Увидев его ничем не прикрытое мужское достоинство – ту самую «большую птицу», – он поспешно притворился, что закрыл глаза, и отвернулся. Навострив уши, он внимательно слушал, как тот входит в воду, и только когда всплески утихли, наконец обернулся.

Ли Юфу тем временем вывел всех слуг из купальни, оставив их наедине.

Заметив, что Сяо Синхань находится на некотором расстоянии от него, Гу Яньлин поспешно поднялся. Прикрыв рукой свою «птицу», он начал медленно двигаться в сторону принца.

Сяо Синхань лишь молча наблюдал за этим зрелищем.

Подойдя вплотную, Гу Яньлин внезапно сделал вид, что поскользнулся на скользком дне, и с нарочитым возгласом повалился прямо в объятия Сяо Синханя. Принц мгновенно раскусил этот топорный план, но если бы он не перехватил его, юноша в своей глупости мог бы действительно с размаху удариться головой о край или дно.

Гу Яньлин для вида засуетился, размахивая руками, и, добившись своего, уютно устроился в крепких объятиях Сяо Синханя:

- Господин, я поскользнулся!

В прошлый раз, когда они оказывались в подобной ситуации, Гу Яньлин был одет, но теперь, сидя совершенно голым на коленях Сяо Синханя, он почувствовал нечто совершенно иное.

Сяо Синхань только успел поднять руку, чтобы оттолкнуть его, как Гу Яньлин, заметив это движение, крепко обхватил его за шею и подался вперед. В то же мгновение прямо над его ухом раздался низкий, приглушенный стон Сяо Синханя.

Гу Яньлин сел слишком поспешно и навалился всем телом прямо на него. Разумеется, он мгновенно почувствовал, на что именно навалился. Не дожидаясь, пока Сяо Синхань его

оттолкнет, он в панике быстро отодвинулся в сторону, а в этой спешке еще и случайно пнул его ногой.

На этот раз всё действительно вышло случайно!

Увидев помрачневшее лицо Сяо Синханя, Гу Яньлин почувствовал укол вины. Он всерьез испугался, что мог что-то повредить, и больше не смел даже шевельнуться.

Сяо Синхань в этот момент действительно хотел просто выбросить его вон. Каждый раз, совершив какую-нибудь глупость или ошибку, этот мальчишка принимал такой невинный и незащищенный вид, что злиться на него было почти невозможно.

Гу Яньлин, словно напуганная перепелка, опасаясь, что действительно что-то сломал, заговорил самым ласковым и заискивающим тоном:

- Господин, позвольте мне посмотреть...

- Я ведь немного разбираюсь в медицине, и если вы действительно пострадали...

Сяо Синхань холодно посмотрел на него, прерывая речь.

Гу Яньлин проглотил остаток фразы, виновато опустил голову и осторожно протянул руку. В этот раз Сяо Синхань не стал препятствовать. Рука Гу Яньлина наконец коснулась его, но теперь в голове юноши не осталось никаких коварных мыслей – он лишь истово молился, чтобы ничего не было сломано.

Когда первая острая боль у Сяо Синханя прошла, он почувствовал, как маленькие, мягкие ладошки Гу Яньлина осторожно ощупывают его, и его кадык едва заметно дернулся.

Гу Яньлин проводил этот «осмотр» с такой искренностью и тщательностью, что не пропустил ни одного сантиметра.

Сяо Синхань, чей голос обычно был лишен каких-либо эмоций, сейчас прозвучал непривычно хрипло:

- Ну что?

Гу Яньлин почувствовал, что «беркут» начинает стремительно подавать признаки жизни. Он резко отдернул руку и забегал глазами по сторонам:

- Нет... не сломано.

«Специально, что ли!» - подумал Сяо Синхань. «Уже встал, а всё еще спрашивает!»

Сяо Синхань долго и пристально смотрел в лицо Гу Яньлина, а затем властно приказал:

- Трогай.

Гу Яньлин замер, не зная, что ответить.

<http://bllate.org/book/17939/1720385>